

ALEKSANDER KIKLEWICZ
Instytut Slawistyki PAN

РУССКИЙ ЯЗЫК В МОДЕЛИ ЭКСПЛИКАТИВНОГО СИНТАКСИСА¹

The Russian Language in the Model of an Explicative Syntax

Ключевые слова: семантический синтаксис, экспликативный синтаксис, польская школа семантического синтаксиса, семантика, лексикография, функциональная лингвистика, славянские языки

KEYWORDS: semantic syntax, explicative syntax, Polish school of semantic syntax, semantics, lexicography, functional linguistics, Slavonic languages

ABSTRACT: The author presents a linguistic model of an explicative syntax, which is being developed by the Polish syntactic school (it is based on the syntactic works of a famous Polish linguist Stanisław Karolak). The article describes the theoretical principles of this scientific direction and shows its application in practice (and namely by description of the basic syntactic structures of Slavic languages). The author examines this model in comparison with other models, in particular the Moscow semantic school.

Польская школа семантического синтаксиса

В лингвистической литературе можно встретить упоминания о «польской школе семантического синтаксиса»: Николовска 2012; Szumska 2013, 12сл.; Przepiorkowski 2015. Это направление исследований сформировалось в 80-е и 90-е годы прошлого столетия и связывается, главным образом, с именем Станислава Кроляка – выдающегося польского лингвиста, автора оригинальной теории семантического синтаксиса (на базе логической семантики и логики предикатов) (1972; 1984; 2001; 2002 и др.). Синтаксическая концепция Кароляка сформировалась, с одной стороны, под влиянием предшественников, особенно работ Е. Куриловича и З. Клеменсевича,

¹ Статья выполнена в рамках реализации научно-исследовательского проекта «Właściwości składniowe czasowników jako baza ich zintegrowanego opisu leksykograficznego (w perspektywie konfrontatywnej polsko-bułgarsko-rosyjskiej)», реализуемого при поддержке польского Национального центра науки (Narodowe Centrum Nauki); грант № 2013/11/B/HS2/03116.

которым, как и всей польской лингвистической традиции, были присущи характерные элементы функционализма². Другим конструктивным фактором была традиция польской (львовско-варшавской) школы логического позитивизма, в рамках которой (в работах К. Твардовского, Я. Лукасевича, К. Айдукеvича, А. Тарского, С. Лесневского и др.) была создана оригинальная система логической семантики. Семантический синтаксис Кароляка, опираясь на европейскую грамматическую традицию, преимущественно сформулирован в терминах логической семантики и математической логики. Это, в частности, отличает польские исследования данного направления от чехо- словацких или восточноевропейских (в частности, московской семантической школы).

Формированию данного направления способствовала также научная деятельность Кароляка и связанной с ним исследовательской группы. В 80-е и 90-е годы прошлого века и в первой декаде XXI века он был одной из ключевых фигур в реализации проекта *б о л г а р с к о - п о л Ѣ с к о й с о п о с т а в и т е л ь н о й г р а м м а т и к и*. В течение 1988–2010 годов коллективом исследователей из Болгарии и Польши было опубликовано (в Софии и Варшаве) девять томов, включающих 12 монографических описаний отдельных семантических категорий – таких, как определенность/неопределенность, количество, степень, аспект, время, модальность, темпоральность, предикативность и др. (Косеска-Тошева 2015). Грамматика получила высокую оценку таких авторитетных лингвистов, как Л. Беднарчук, Р. Лясковский и др.

В 2000–2004 годах под руководством Кароляка был реализован международный проект «*Składnia porównawcza języków słowiańskich drugiej połowy XX wieku*». Проект финансировался польским Комитетом научных исследований (Komitet Badań Naukowych; грант № 1-H01D-03219), а в его реализации приняли участие исследователи из 12 славянских стран. К сожалению, в связи с болезнью Кароляка проект не был завершен, хотя проведенные коллективные исследования легли в основу нескольких монографических и журнальных публикаций: Kiklewicz/Korytkowska 2010; 2012; Киклевич/Корытковская 2012; Korytkowska/Kiklewicz 2015; Papierz 2013; Zatorska 2013 и др., в которых объектом описания стали белорусский, болгарский, польский, словацкий и словенский языки (в описательном или сопоставительном аспекте).

К данному направлению исследований примыкают также работы лингвистов варшавско-торуньской группы: А. Богуславского, М. Гроховского, В. Малдзиевой, М. Данелевичевой и др., хотя в этих работах

² Напомним, что в 1970 г. Кароляк (в соавторстве с А. Богуславским) опубликовал одну из первых в славистике монографий по функциональной грамматике (1970).

главное внимание уделяется семантической структуре лексических единиц (структуре лексического значения), тогда как модель Кароляка, преимущественно, концентрируется на реализационном, а именно – синтагматическом аспекте лексической семантики: ее задача сводится к исчерпывающему описанию синтаксических форм реализации предикативных значений.

Что касается лежащей в основе данного направления концепции, наиболее полно она была представлена в первом (синтаксическом) томе «Грамматики современного польского языка» (Topolińska 1984). В написанном З. Тополинской, редактором тома, введении можно прочитать:

Zdecydowaliśmy się na opis bezpośrednio podporządkowany podstawowej funkcji społecznej języka, jaką jest utrwalenie i przenoszenie informacji, tj. na opis, dla którego punktem wyjścia jest struktura semantyczna tekstu językowego. Nasza *Składnia* wychodzi z podstaw semantycznych, a morfologia ma podstawy semantyczno-składniowe. Taka hierarchia pozwala, jak nam się wydaje, w sposób możliwie adekwatny opisać mechanizmy funkcjonowania języka. Postępując tak odchodzimy świadomie od tradycyjnego modelu gramatyki dydaktycznej, w przekonaniu, że nowe ujęcie jest doskonalsze: umożliwia poprawniejszy opis języka jako narzędzia przekazywania informacji. [...] Tradycyjna nauka o języku proponowała nam na wstępie gotową abstrakcję – opis najdrobniejszych elementów (fonemów), które składają się na strukturę dźwiękową tekstu. W dalszym nauczaniu mowa była o zasadach łączenia tych elementów w znaczące odcinki tekstu, od morfemów poprzez wyrazy po zdania. W *Gramatyce* postępujemy odmiennie. Zaczynamy od zdania jako minimalnego komunikatu, staramy się pokazać środki, jakimi rozporządza polszczyzna, aby zapewnić zdaniu organizację adekwatną w stosunku do komunikatywnej intencji nadawcy tekstu, utrwaloną w odpowiednim wyrażeniu zdaniowym (Topolińska 1984, 6).

Как видим, данная модель построена по принципу «от функций к средствам», который широко культивируется в современных исследованиях по функциональной грамматике, преимущественно, отражает позицию говорящего. Это, в частности, говорит в пользу того, что такая лингвистическая модель пригодна для исследования речевой деятельности.

Другой, помимо функционализма, отличительной чертой лингвистической теории Кароляка является и н е г р а т и в н ы й п о д х о д, что сближает ее с теорией «смысл – текст» (разрабатываемой – начиная с 60-х годов XX века – исследователями московской лингвистической школы). Описание номинативной семантики, по убеждению Кароляка, должно быть неизбежно связано с описанием структурализации лексических единиц в предложении как функционального следствия, своего рода рефлекса регулярных, закодированных в системе языка соответствий между перви-

чными элементами, отношениями единства и законами композиции (если воспользоваться терминологией теории систем А. И. Уемова). В монографии 2002 года Кароляк писал:

[...] Semantyka, tak jak ją rozumiemy współcześnie, nie ogranicza się do opisu treści przyporządkowanej formalnym symbolom (wyrażeniom) języka. Opis ich treści jest nieodłączny od opisu ich zdolności do wstępowania we wzajemne związki składniowe stanowiące refleks potencji pojęć do współtworzenia złożonych struktur pojęciowych. Ta dwudzielność semantyki wynika z obiektowych własności znacznej liczby symboli języków naturalnych, które są symbolami synkategorematycznymi, tzn. semantycznie niezupełnimi. Ich treść pojęciowa składa się z dwóch komponentów, szczególnego i ogólnego, reprezentowanych w formach logicznych (funkcjach zdaniowych) przez stałe predykatowe. Komponent ogólny dla całego uszczegółowienia wymaga współbecności pewnej liczby pojęć tworzących jego naturalne otoczenie, którego składniki pojęciowe są reprezentowane w tychże formach logicznych przez zmienne argumentowe (Karolak 2002, 9).

Модель Кароляка предусматривает анализ четырех категорий структуризации синтаксических элементов, к которым относятся: 1) предикатно-аргументная (пропозициональная) структура; 2) модальность; 3) темпоральность; 4) тема-рематическая структура. При этом базовый характер имеет синтаксис предикативных выражений – описание синтаксических структур как репрезентаций семантического содержания предикативных лексических единиц, т.е. конститutивных, ядерных компонентов предложения.

Модель экспликативного синтаксиса

Понятие «экспликативного синтаксиса», начиная с 2012 года, употребляется нами для обозначения лингвистической концепции, которая предусматривает интегральное описание закодированных в содержании глагольных лексем пропозиционально-семантических структур в соответствии с формами их синтаксической (поверхностной) репрезентации (Kiklewicz/Korytkowska 2012). Необходимо сделать оговорку (которая содержится и во введении к «Грамматике современного польского языка», см. Topolińska 1984, 4) о том, что предлагаемая модель имеет описательный, а не нормативный характер. Это значит, что в качестве форм синтаксической репрезентации предикатно-аргументных структур мы рассматриваем факты разных функциональных стилей, причем не только наиболее типичные с точки зрения языковой интуиции, но и такие, которые можно считать потенциальными (например, в силу того, что они не представлены в словарях или интернет-корпусах). Парадоксально, но это

в первую очередь касается синтаксических структур, которые отражают семантические свойства глагольных предикатов наиболее *р е п р е з е н т а - т и в н ы м* (в терминологии Г. А. Золотовой – изосемическим) способом. Например, ментальный предикат *интерпретировать* имплицирует пропозициональную трехаргументную структуру $P(x, q, r)$, в которой субъект мыслительного действия (x) ставит в соответствие некоторому положению дел (q) иное положение дел (r). Наиболее регулярно это содержание реализуется в синтаксических конструкциях, где позиции пропозициональных аргументов q, r выражены абстрактными существительными (символически – NV), ср.:

$P(x, q, r)$
 $V N_x, NV_q NV_r \rightarrow V N_{nom} N_{acc} Prep N_{acc}$
Он интерпретирует его замысел как попытку проникновения в историю вопроса.

В интернет-корпусах русского языка, однако, не представлены полные, изосемические формы репрезентации пропозициональных аргументов. Правда, в поисковых системах (типа *google* или *rambler*) можно найти примеры, когда один из пропозициональных аргументов выражен в форме придаточного предложения (т.е. с формальными признаками предикативности), например:

То, что они услышали, можно было интерпретировать как слово «Привет».
Данные слова можно интерпретировать как то, что Европа дает наказ правительству «настроить» греческий народ «за» европейских союзников.

Несмотря на то, что конструкции с изосемической реализацией двух пропозициональных аргументов являются неотмеченными, нельзя считать, что они заблокированы системой языка – факт их неотмеченности вытекает из чисто узальных, речедеятельностных соображений. Поскольку система допускает реализацию отдельных пропозициональных аргументов в форме предикативных выражений, нет препятствий для того, чтобы конструкция одновременно включала несколько предикативных выражений.

$P(x, q, r)$
 $V N_x, V_q V_r \rightarrow V N_{nom} Pron Con V... Prep Pron Con V...$
То, что они услышали, он интерпретирует как то, что Европа дает наказ правительству...
То, что нарисовано на картинке, можно интерпретировать как то, что „тирамису побеждает пончик с желе”.
То, как ведет себя ЕС, можно интерпретировать как то, что Запад начал некое «тактическое отступление» по украинскому вопросу.

Разумеется, предложения такого типа кажутся довольно экзотичными и искусственными, но, во-первых, такая оценка, скорее, отражает позицию субъекта разговорной речи, хотя, например, в научно-техническом или юридическом дискурсе подобные конструкции выглядели бы как вполне приемлемые. Во-вторых, для нас принципиально, что независимо от типичности или нетипичности, отмеченности или неотмеченности в текстах определенного стиля или жанра приведенные изосемические конструкции компатабильны с системой языка, т. е. с за-кодированными в языке возможностями формальной реализации аргументных позиций.

Несмотря на существующую традицию лингвистических исследований мы отдаём себе отчет в том, что в данной области приходится начинать практически с нуля: многие изосемические презентации не отражены ни в языковой («усредненной») интуиции, ни в языковых корпусах, ни в толковых словарях, ни в лингвистических описаниях.

Толковые словари обычно не отмечают изосемических презентаций пропозициональных аргументов, ориентируясь на узкую сферу языкового функционирования – разговорную речь. Речевые иллюстрации (в том числе заимствованные из художественных текстов) употреблений слов часто или прямо имитируют разговорную речь, или подбираются по принципу «так говорят». Поэтому нет ничего удивительного, что в «Толковом словаре русского языка» С. И. Ожегова (далее: ТСРЯ) глагол *заблуждаться* сопровождается примером употребления:

Глубоко заблуждаться насчет кого-нибудь.

Эта иллюстрация не раскрывает, однако, пропозиционального содержания данного ментального глагола, а именно – его предикатно-аргументной структуры $P(x, q)$, которая в полном виде реализуется в предложениях типа:

Многие заблуждаются в том, что счастье человека в том, чтобы ничего не делать.

Вы глубоко заблуждаетесь, что после всего, что вы хотите сделать, вам станет легче.

Греки заблуждались, что они смешивали теоретические задания с практическими.

Пропозициональные аргументы не отмечаются даже в наиболее тривиальных случаях. Так, в ТСРЯ приводятся восемь значений глагола *видеть*, при этом основное значение ‘воспринимать зрением’ сопровождается иллюстрацией:

Видел вдали горы.

Словарная дефиниция и ее экземплификация склоняют к суждению о том, что мы имеем дело с двуместным предикатом первого порядка: *КТО-ТО ВИДИТ ЧТО-ТО/КОГО-ТО*, ср. в символической форме: $P(x, y)$. Такую трактовку мы находим и в лингвистических работах. Например, в «Экспериментальном синтаксическом словаре» уральских авторов (Бабенко 2002, 165) глаголы восприятия интерпретируются так: ‘человек воспринимает кого-л. или что-л. каким-л. образом с помощью внешних органов чувств (зрения, слуха, обоняния, осознания)’. Авторы «Словаря» приводят соответствующие общие (грамматические) коллокации: *видеть кого, что; наблюдать кого, что; взорваться на кого, на что* и т.д.

Такая интерпретация, однако, не согласуется с содержанием понятия, отражающего перцептивное состояние: его объектом всегда является положение дел. С этой точки зрения языковые выражения

Иван видит на столе книгу.

Иван видит Машу.

Иван видит, что на столе лежит книга.

Иван видит, что у дома стоит Маша.

отражают одно и то же перцептивное состояние и реализуют глагол *видеть* в одном и том же значении, имплицирующем пропозициональную структуру с предикатом высшего порядка: $P(x, q)$. Подобную интерпретацию мы находим у А. Добачевского, который специально исследовал семантику глаголов зрительного восприятия (2002). Так, выражению *Кто-то видит что-то где-то* Добачевский дает следующее семантическое представление (*ibidem*, 55):

- (a) *в глазах кого-то происходит что-то такое,*
- (a') *что может происходить в глазах по той причине, что такие вещи, как что-то, находятся перед глазами кого-то,*
- (a'') *неправда, что что-то может происходить в другой части тела и*
- (b) *что-то приводит к тому, что кто-то может знать что-то о чем-то'*

Ключевым здесь, с нашей точки зрения, является пункт (a'), указывающий на то, что объектом зрительного восприятия является не отдельный материальный предмет, а ситуация: ‘такие вещи находятся перед глазами кого-то’. Данная интерпретация корреспондирует с психологическим пониманием перцептивного действия, которое, согласно определению,

обеспечивает сознательное выделение того или иного аспекта чувственно заданной ситуации, а также преобразование сенсорной информации, приводящее к построению образа, адекватного предметному миру и задачам деятельности (Петровский/Ярошевский 1985, 241; разрядка моя. – А. К.).

Различия между вариантами синтаксических структур с ядерным предикатом *видеть* касаются только степени репрезентации пропозиционального аргумента:

$V N_x, V_q \dots \rightarrow V N_{nom} (\text{Pron}) \text{ Con } V$

Я вижу, как она шла по крыльцу.

Он видел, что Модест разговаривает с Софьей.

$V N_x, NV_q \dots \rightarrow V N_{nom} N_{acc}$

Он видел репетицию Ефремова.

Мне довелось в эту ночь в течении какого-нибудь часа видеть северное сияние.

$V N_x, N_{aq} \emptyset_q \rightarrow V N_{nom} N_{acc}$

Я видел Аню.

Коля видел только лица прохожих.

$V N_x, \emptyset_q \dots \rightarrow V N_{nom}$

Я хорошо вижу.

У меня все в порядке: живу, чувствую, вижу.

Я продолжаю видеть, слышать и понимать.

Экспликативный синтаксис различает три уровня представления информации о дистрибутивных свойствах глагольных лексем. Первый уровень представлен предикатно-аргументными структурами, отражающими ситуативную семантику предложений с ядерным глагольным предикатом. Общее число таких структур определяется посредством формального исчисления, а именно – с учетом 1) количественной валентности предиката и 2) предметного или пропозиционального статуса аргументов.

Предложения с одноместным предикатом		Предложения с одноместным предикатом		Предложения с трехместным предикатом	
Предложения с предикатом 1-го порядка	Предложения с предикатом 2-го порядка	Предложения с предикатом 1-го порядка	Предложения с предикатом 2-го порядка	Предложения с предикатом 1-го порядка	Предложения с предикатом 2-го порядка
P (x)	P (p)	P (x, y)	P (x, q) P (p, y) P (p, q)	P (x, y, z)	P (x, y, r) P (x, q, z) P (x, q, r) P (p, y, z) P (p, y, r) P (p, q, z) P (p, q, r)

На втором уровне представлена грамматическая категоризация аргументов. Здесь вводится понятие экспликативной схемы, которая определяется в терминах грамматических классов: *V* – глагол (в личной форме), *NV* – абстрактное существительное, *N* – конкретное существительное, *VI* – инфинитив, *Adj* – прилагательное и т.д. С учетом того, что каждый глагольный предикат получает альтернативные формы синтаксической реализации, характеризующиеся большей или меньшей степенью дискретности (при этом отдельные позиции аргументов могут быть нереализованными), вводится понятие валентного класса как множества экспликативных схем, соответствующих одному и тому же предикативному значению. Например, ментальный глагол *учитывать/учесть*, которому соответствует пропозициональная структура *P(x, q)*, реализуется в синтаксических формах, образующих валентный класс:

$V N_x, V_q \dots$

Он учитывает то, что ущерб охотничим хозяйствам наносит браконьерство.

$V N_x, NV_q \dots$

Он учитывает реальные потребности компании.

$V N_x, N_{aq} \emptyset_q$

Он учитывает слушателя.

Как видим, все синтаксические реализации пропозициональной структуры представлены в данном случае тремя типами: 1) наиболее дискретными – с выражением пропозиционального аргумента в форме придаточного предложения; 2) компрессированными, включающими показатель предикативной семантики (абстрактное существительное); 3) компрессированными адисcretными – с нереализованной позицией предиката (\emptyset_q).

На третьем уровне представления дистрибутивных свойств глагольного предиката рассматриваются структурные схемы предложений.

Наиболее полно результаты применения модели экспликативного синтаксиса к описанию славянских языков отражены в монографии: Kikiewicz/Korytkowska 2010. В данной работе представлены базы данных, содержащих упорядоченную (в соответствии с тремя упомянутыми выше уровнями) информацию о базовых синтаксических структурах белорусского, болгарского и польского языков. На следующем этапе исследования данная информация была подвергнута анализу, из которого, в частности, вытекает, что большинство, а именно – почти 70% глаголов представляют двухместные предикаты. Трехместные предикаты охватывают более 20%

всех единиц, а одноместные составляют меньшинство – на них приходится немногим более 8%.

Что касается отношения предикатов первого и второго порядка, то здесь наблюдается относительное равновесие: около 46% глаголов представляют предикаты первого порядка и почти 54% – предикаты второго порядка. Это, в частности, ставит под сомнение один из фундаментальных тезисов когнитивной лингвистики – о феноменологической природе концептуализации действительности в семантике языка. 54% конструкций с ядерным предикатом второго порядка – это слишком большая цифра, чтобы согласиться с мнением когнитивистов о том, что окружающий нас мир представляется в языке, преимущественно, как отношения предметов.

Что касается наиболее часто встречаемых пропозициональных структур, то к ним относятся следующие:

Пропозициональная структура	Частота (%)
$P(x, y)$	34,5
$P(x, q)$	27,0
$P(x, y, r)$	11,3
$P(x, y, z)$	8,7
$P(p, q)$	7,2

Из анализа вытекает, что существуют некоторые факторы, способствующие высокой частоте употребления пропозициональной структуры. Во-первых, это – наличие предметного аргумента в первой позиции (x). Во-вторых, это – наличие предметного аргумента во второй позиции (y), при условии, что далее следует третий аргумент (предметный или пропозициональный), или наличие пропозиционального аргумента во второй позиции (q), при условии, что предикат имеет двухместную структуру.

Кроме того в монографии были сделаны выводы сопоставительного характера.

Синтаксические свойства глаголов как элемент их лексикографического описания

Ценность подхода, в основе которого лежит семантический критерий синтаксического моделирования языковых единиц, состоит в том, что благодаря опоре на пропозициональные структуры синтаксис предстает не как хаотическое нагромождение грамматических форм, а как упорядоченное множество экспликативных и структурных схем, единство которых обусловлено (и одновременно объясняется) общностью закодированной в них семантической (пропозициональной) информации. Поскольку каждый (семантический) предикат реализуется в синтагматических окружениях с разным составом форм репрезентации его аргументов (в том числе в предложениях, в которых отдельные аргументные позиции являются нереализованными), пропозициональная модель предложения (и пропозициональная модель семантики предиката) рассматривается как своего рода и н в а р и а н т, который вносит единство в множество синтаксических явлений.

Исходная пропозициональная структура позволяет не только программировать, исчислять формы ее репрезентации (как это было показано выше), но и позволяет упорядочить их. Именно это и стало главной задачей научного проекта «Właściwości składniowe czasowników jako baza ich zintegrowanego opisu leksykograficznego (w perspektywie konfrontatywnej polsko-bułgarsko-rosyjskiej)», который, начиная с 2014 года, реализуется группой исследователей из Варшавы, Ольштына и Лодзи при финансовой поддержке польского Национального центра науки (Narodowe Centrum Nauki; грант № 2013/11/B/HS2/03116).

Важным элементом каждой словарной статьи являются э к з е м п л и - ф и к а ц и и, представляющие возможности синтагматической реализации лексической единицы в соответствии с правилами языка. Выше указывалось, что существующая лексикографическая практика не опирается на какие-либо научные критерии представления данной информации – авторы словарей действуют, скорее, по наитию и опираются на собственную языковую интуицию, прежде всего – позицию субъекта разговорной речи.

В модели экспликативного синтаксиса, как указывалось, отдельные поверхностные реализации лексических значений различаются степенью дискретности, изосемичности. Этот факт, по нашему убеждению, должен учитываться при сегментации словарной статьи, а именно – представления синтаксических (фразовых) реализаций семантического потенциала глагольного слова в упорядоченной, иерархической форме. В основе такой сегментации лежит п р и н ц и п п е р в е н с т�а а на л о г о в ы х

и дискретных реализаций: аналоговые синтаксические структуры, в которых каждая аргументная позиция манифестирует грамматическими формами с соответствующим (предметным или предикативным) содержанием, предшествуют неаналоговым структурам, которые – в свою очередь – дифференцируются в зависимости от наличия или отсутствия формальной реализации аргументных позиций. Например, так может выглядеть модель представления иллюстративного материала в словарной статье, посвященной ментальному глаголу *придумывать/придумать*.

ПРОПОЗИЦИОНАЛЬНАЯ СТРУКТУРА: $P(x, q)$

ПРОПОЗИЦИОНАЛЬНЫЙ АРГУМЕНТ В ФОРМЕ ПРЕДИКАТИВНОГО ВЫРАЖЕНИЯ

ШАГ 1-Й: ДА

$V N_x, V_q \dots \rightarrow V N_{nom} Con V$

Они придумали, чем и как их кормить.

НЕТ

ПРОПОЗИЦИОНАЛЬНЫЙ АРГУМЕНТ В ФОРМЕ ВЫРАЖЕНИЯ С ПРЕДИКАТОРОМ

ШАГ 2-Й: ДА

$V N_x, NV_q \dots \rightarrow V N_{nom} N_{acc}$

Она придумала несколько виртуозных движений.

ШАГ 3-Й: НЕТ

$V N_x, N_{aq} \emptyset_q \rightarrow V N_{nom} N_{acc}$

*Я придумала героев.
Если я тебя придумала, будь таким, как я хочу.*

$V N_x, VI_q \dots \rightarrow V N_{nom} VI$

Они придумали назвать в честь 850-летия Москвы. Хоробров придумал покурить. Придумали давать её вместо крупы.

$V N_x, \emptyset_q \rightarrow V N_{nom}$

hab. Она всё время придумывает.

Правильно построенная словарная статья должна содержать все компатибильные с системой языка синтаксические реализации описываемой лексемы, и именно в том порядке, который отражает характер формальной презентации закодированной в значении глагола базовой семантической структуры. Это требование, к сожалению, не всегда выполняется не только в лексикографической практике, но и в более серьезных лингвистических описаниях. Так, «Толково-комбинаторный словарь» (ТКС) И. А. Мельчука и А. К. Жолковского (1984) предусматривает, что информация о лексическом значении слова дополняется информацией о его типовой синтаксической сочетаемости. Мельчук ввел в связи с этим понятие *pattern* (1984, 49) – прототип нашего валентного класса. Однако

ни информация о пропозициональных структурах, ни информация о синтаксических формах, ни экземплификации не являются в этом случае безупречными, примером чего может послужить глагол *бороться* (в значении ‘Х прилагает много усилий с целью ликвидировать ситуацию Y’). Данному глаголу в ТКС соответствует следующее представление:

1 = X (кто прилагает усилия)	2 = Y (что каузируется)
1. $S_{\text{ИМ}}$	1. с S_{TB} 2. <i>против</i> $S_{\text{РОД}}$ обязательно

Указанные дистрибутивные правила иллюстрируются в словаре примерами:

бороться с сорняками
бороться с пьянством
бороться против опозданий
бороться против нарушения графика

Такой тип описания не дает, однако, ясного представления о структуре ситуации, описываемой глаголом *бороться*. Из приведенных иллюстраций, скорее, следует, что объектами данного действия являются предметы (*сорняки*) или положения дел (*пьянство, опоздания, нарушения*). Возникает некоторая двузначность, хотя в действительности мы имеем дело с двуместным предикатом второго порядка, первый аргумент при котором имеет предметный характер (субъект действия), а второй – пропозициональный характер (положение дел). Борьба означает преодоление некоторой действующей силы, некоторой ситуации с участием живых или неживых предметов. Поэтому некто не борется – в прямом смысле – с сорняками, а с тем фактом, что сорняки растут там, где им рости (с точки зрения субъекта) не положено. Другими словами, глагол *бороться* (в рассматриваемом значении) репрезентирует пропозициональную структуру $P(x, q)$, которая может быть реализована в полной, аналоговой форме (отметим, что данная форма репрезентации второго аргумента в ТКС не указана):

Никитин [...] боролся с тем, что стало бесповоротной явью (Ю. Бондарев).

Нужно как-то бороться с тем, что меня прозвали «Уступчивым» (Г. Полонский).

Как бороться с тем, что я очень впечатлительный? (интернет).

Предложения, в которых прилагольную позицию занимает (конкретное или абстрактное) существительное в вин. падеже, интерпретируются как результат структурного преобразования (в процессе речевой деятельности) полной, изосемической структуры, т.е. как результат синтаксической компрессии:

бороться с сорняками < бороться с тем (фактом), что сорняки растут
бороться с пьянством < бороться с тем (фактом), что некто пьянствует
бороться против опозданий < бороться с тем (фактом), что некто опаздывает
бороться против нарушения графика < бороться с тем (фактом), что некто нарушает график

Другим важным аспектом лексикографического применения экспликативного синтаксиса является решение проблемы многозначности. Неоднократно отмечалось, что традиционные толковые словари грешат необоснованным нагромождением семантических вариантов и семантических оттенков значений, хотя встречаются и такие случаи, когда разные семантические употребления слова трактуются как одно значение. В этом отношении наша модель предусматривает два критерия. Первый критерий можно определить как единство предложения и структуры: тождество лексического значения исключает возможность альтернативной интерпретации соответствующей ему пропозициональной структуры. В качестве примера рассмотрим толкование глагола *сушить* в ТСРЯ. Значение глагола описывается как ‘делать сухим’, при этом приводятся следующие примеры его употребления:

сушить белье
сушить траву
Табак сушит горло (создает ощущение сухости).
В горле сушит.

Словарь игнорирует факт довольно заметной семантической неоднородности иллюстраций: с одной стороны, мы имеем дело с активной деятельностью субъекта (человека), с другой стороны – с неинтенциональными физическим процессом, когда некоторое состояние или положение дел воздействует на объект. Это обстоятельство, казалось бы, учтено в «Большом толковом словаре русского языка» (далее: БТСРЯ) под ред. С. А. Кузнецова, где основное значение слова ‘делать сухим что-л. сырое, влажное, мокрое, держа на воздухе или в теплом, жарком месте’

сопровождается семантическим оттенком: ‘делать чрезмерно сухим, лишая необходимой влаги, влажности’, который иллюстрируется примерами:

*Ветер сушил губы.
Жара сушил почву.
Табак сушил горло.*

Авторы БТСРЯ не посчитали необходимым выделить этот тип семантического употребления слова как отдельное значение, хотя такое решение с очевидностью напрашивается с учетом предикатно-аргументной структуры, закодированной в содержании глагола. С одной стороны, мы имеем дело с двуместным предикатом первого порядка: $P(x, y)$, представляющем физическое действие субъекта по отношению к материальному объекту. В этом случае возможен, например, комплективный вариант глагольного действия (с негацией):

*Иван недосушил краску.
Жена недосушила голову.
*Ветер недосушил губы.
Жара недосушила почву.

С другой стороны, глагол *сушил* функционирует в каузативном значении и представляет предикатно-аргументную структуру иного типа: $P(p, y)$. Здесь, как видим, первый аргумент имеет пропозициональный характер, а глагол выражает значение: ‘положение дел, воздействия на предмет, способствует тому, что он становится сухим’:

*Горячая вода сушил кожу головы.
Спирт сушил.
Бриз Северного моря обдирает щеки, сушил губы.*

Если вернуться к рассмотренному выше глаголу *бороться*, то следует уточнить, что в качестве предиката второго порядка он функционирует в значении (согласно БТСРЯ) ‘активно действовать против кого--, чего-л., стремясь преодолеть или уничтожить; сопротивляться кому-, чему-л.’. Однако данный глагол употребляется и в другом значении: ‘схватившись друг с другом, стараться повалить, положить на лопатки’. Различие значений отражается на уровне пропозициональных структур: в первом случае реализуется структура $P(x, q)$, во втором случае – структура $P(x, y)$.

Разумеется, полисемия может быть реализована и в рамках одной и той же пропозициональной структуры, как в случае *думать*₁ ‘размышлять, предаваться раздумью’ и *думать*₂ ‘полагать, считать, предполагать’, когда

разным лексическим значениям соответствует одна и та же пропозициональная структура $P(x, q)$.

При решении проблемы многозначности и проблемы тождества лексического значения наблюдается расхождение модели экспликативного синтаксиса с методом представления лексических значений, применяемым исследователями московской семантической школы (МСШ). Наша модель опирается на пропозициональные структуры (которым ставятся в соответствие синтаксические формы выражения), тогда как в исследованиях МСШ интерпретация значения во многом зависит от сочетаемостных характеристик лексической единицы, в частности, от так называемой модели управления. В принципе, это – два варианта реализации одной и той же интегративной методологии, хотя они приводят к разным результатам. Модель управления, как кажется, приобретает в исследованиях самодовлеющий статус (можно говорить о ее специфической порождающей функции): в определенной степени она ставит интерпретацию значения глагола в зависимость от грамматического класса, к которому принадлежит существительное-коллокат. Например, глаголы зрительного восприятия получают у Ю. Д. Апресяна (Апресян и др. 1997, 92) следующее толкование: ‘воспринимать глазами физический объект или ситуацию’. При этом приводимый данным автором иллюстративный материал отражает, преимущественно, первую часть толкования, т.е. зрительное восприятие предметов:

увидел заметил несколько лиц
не видал таких арбузов
лицезреть главного конструктора

Только приводимый в качестве примера фрагмент из «Евгения Онегина» отражает восприятие ситуации:

Узри ли русской Терпсихоры // Душой исполненный полет?

Но главная проблема – не в этом. Дефиниция ‘воспринимать глазами физический объект или ситуацию’ является внутренне противоречивой: за ней кроются две различные по содержанию пропозициональные интерпретации глагола. «Восприятие объекта» означает, что мы имеем дело с предикатно-аргументной структурой $P(x, y)$, а «восприятие ситуации» указывает на другую предикатно-аргументную структуру – $P(x, q)$. Структура первого типа реализуется в предложениях с глаголами, описывающими физические действия и отношения (такие, как *держать*, *нести*, *бросать*, *гулять*, *лежать* и др.), тогда как структуры другого типа – главным образом, в предло-

жениях с сенсорными, ментальными и сентиментальными глаголами (*видеть, слышать, думать, замечать, радоваться, тосковать* и др.). Поскольку совмещение этих значений не представляется возможным, мы имеем дело или с разными семантическими вариантами глагола, или – в действительности – с одним значением, но разными по степени дискретности представлениями его пропозициональной структуры синтаксическими формами: синтаксические конструкции, представляющие ‘восприятие предметов’, являются результатом структурного преобразования, а именно – компрессии выражений, представляющих ‘восприятие ситуаций’, ср.:

Я не вижу, где ты находишься > Я не вижу тебя.

Я не слышу, что ты говоришь/произносишь > Я не слышу тебя.

Понятно, что толкование по принципу дизъюнкции (‘восприятие предмета ИЛИ ситуации’) не соответствует данным преобразованиям (отражающим объективные факт языка).

В статье Л. Л. Иомдина «пропозициональное понимание» рассматривается только как одно из подзначений глагола *понимать/понять*. Хотя данный автор пишет, что употребления глагола *понимать* в сочетании с пропозициональным объектом «являются центральными для современного русского языка» (2003/2015, 5), это не меняет сути дела: ментальный глагол трактуется то как предикат первого порядка, то как предикат второго порядка, что не соответствует самой природе ментальный состояний, объектом которых всегда являются положения дел, а значит, пропозициональная структура соответствующих предикаторов с неизбежностью включает *q*.

Модель управления (как ведущий критерий семантической интерпретации слова) небезопасна в том смысле, что именная группа в прилагольной позиции (в косвенном падеже) необязательно отражает семантическую валентность глагола – она, как было показано, может быть результатом синтаксической компрессии более полной структуры с придаточным предложением, которая с точки зрения системы языка имеет базовый, т.е. исходный статус.

При определении тождества лексического значения мы используем также второй критерий – *репрезентативный характер полных (аналоговых) синтаксических форм*. Он заключается в следующем: из множества синтаксических форм реализации пропозициональной структуры и лексического значения глагола репрезентативной с точки зрения отражения позиций аргументов считается наиболее полная, дискретная форма, при условии, что более краткие формы

интерпретируются как результат ее структурного сокращения (компресии); состав пропозициональной структуры (и в какой-то степени лексического значения глагола) определяется таким образом, что количество аргументных позиций в пропозициональной структуре соответствует количеству заполненных позиций (синтаксем) при глагольном предикате в структуре полного/дискретного предложения. В связи с этим можно сделать замечание по поводу знаменитого высказывания Л. Витгенштейна: «Границы моего языка определяют границы моего мира» (2010, пункт 5.61). Можно считать, что это высказывание имеет смысл прежде всего по отношению к определенной части языковой системы, а именно – множеству дискретных языковых форм, которые аналоговым образом (по принципу симметрии) отражают категории ментальной репрезентации действительности в человеческом сознании.

Рассмотрим применение этого принципа к конкретному материалу. Глагол *понимать/понять* реализуется в нескольких типах употреблений, например:

Он понимает любовь как стремление к превосходству.

Он понимает важность реформ.

Различие структурных схем здесь очевидно: в первом предложении – $V\ N_{nom}$ $N_{acc}\ Prep\ N_{acc}$; во втором предложении – $V\ N_{nom}\ N_{acc}$. Между данными синтаксическими формами отсутствует отношение структурной производности, т.е. одна, более краткая, не является результатом структурного сокращения второй, более полной. Если мы попытаемся устраниć часть первого предложения:

Он понимает любовь.

то оказывается, что это приводит к изменению значения глагола. Значит, мы имеем дело с разными пропозициональными структурами и разными лексическими значениями.

И в первом, и во втором случае возможно развертывание синтаксической формы, а именно – заполнение позиций именных групп придаточными предложениями:

То, что я сказал, не следует понимать как то, что это – единственный способ получения стипендии.

То, что в документах указано место предыдущего проживания временно перемещенного лица, террористы понимают как то, что у этой квартиры уже нет хозяина.

Он понимает, что реформы важны.

Он понимает, как важны реформы.

Представление пропозициональных структур и конструирование лексических значений должно базироваться в первую очередь на этих, дискретных синтаксических формах:

<i>ПОНИМАТЬ₁</i>	$P(x, q)$
	$V N_x, V_q \dots \rightarrow V N_{nom} \text{ Con } V$
	$V N_x, NV_q \dots \rightarrow V N_{nom} N_{acc}$
	$V N_x, N_{aq} \emptyset_q \rightarrow V N_{nom} N_{acc}$
	$V N_x, \emptyset_q \rightarrow V N_{nom}$
<i>ПОНИМАТЬ₂</i>	$P(x, q, r)$
	$V N_x, V_q \dots V_r \dots \rightarrow V N_{nom} \text{ Pron } \text{Con } V \dots \text{Prep } \text{Pron } \text{Con } V$
	$V N_x, V_q \dots NV_r \rightarrow V N_{nom} \text{ Pron } \text{Con } V \dots \text{Prep } N_{acc}$
	$V N_x, NV_q \dots, V_r \dots \rightarrow V N_{nom} N_{acc} \dots \text{Prep } \text{Pron } \text{Con } V$
	$V N_x, NV_q NV_r \rightarrow V N_{nom} N_{acc} \dots \text{Prep } N_{acc}$
	$V N_x, NV_q \text{Adv}_r \rightarrow V N_{nom} N_{acc} \dots \text{Adv}$
	$V N_x, NV_q \text{C}_r \rightarrow V N_{nom} N_{acc} \dots [N_{instr} // \text{Adv}]$

Предлагаемая нами модель лексикографического описания глаголов предполагает несколько этапов. Первоначально для каждой описываемой единицы определяется множество диагностических контекстов, т.е. фраз, образованных на базе глагольного предиката в позиции сказуемого. Источником фактического материала, в первую очередь, служат доступные в интернете языковые корпусы и поисковые системы, а кроме того – письменные и устные тексты разных стилей и жанров, словари, языковая интуиция авторов и наших респондентов. На следующем этапе создаются базы данных – для максимально полных списков ментальных и эмотивных глаголов современного болгарского, польского и русского языков. Исследовательская часть проекта (запланированная на 2016–2017 годы) предполагает анализ экспликативных и структурных схем, сопоставительный анализ, анализ семантических классов (в первую очередь, с учетом внутренней темпоральности глаголов), а также анализ явления полисемии – с точки зрения отражения процессов семантической деривации глаголов в плане их синтаксической сочетаемости.

Библиография

Апресян, Ю. Д. и др. (1997), Новый объяснительный словарь синонимов русского языка.

Первый выпуск. Москва.

Бабенко, Л. Г. (ред.) (2002), Русские глагольные предложения. Экспериментальный синтаксический словарь. Москва.

- ВИТГЕНШТЕЙН, Л. (2010). Логико-философский трактат. Москва.
- КИКЛЕВИЧ, А. / КОРЫТКОВСКАЯ, М. (2012), Экспликативный синтаксис как информационная база лексикографического описания глаголов (на материале польского и русского языков). W: *Acta Linguistica Petropolitana*. VIII/3, 279–297.
- КОСЕСКА-ТОШЕВА, В. (2015), Многотомна българско-полска съпоставителна граматика. В: http://www.balgarskiezik.org/1-2009/V_KOSESKA.pdf
- МЕЛЬЧУК, И. А. / ЖОЛКОВСКИЙ, А. К. (1984), Толково-комбинаторный словарь современного русского языка. Опыт семантико-синтаксического описания русской лексики. Вена.
- НИКОЛОВСКА, В. (2012), Полска семантичка синтакса. В: Прилози (Contributions). XXXVI (1–2), 235–254.
- ПЕТРОВСКИЙ, А. В. / ЯРОШЕВСКИЙ, М. Г. (ред.) (1985), Краткий психологический словарь. Москва.
- BOGUSLAWSKI, A. / KAROLAK, S. (1970), Gramatyka rosyjska w ujęciu funkcjonalnym. Warszawa.
- DOBACZEWSKI, A. (2002), Zjawiska percepcji wzrokowej. Studium semantyczne. Warszawa.
- KAROLAK, S. (1972), Zagadnienia składni ogólnej. Warszawa.
- KAROLAK, S. (1984), Składnia wyrażeń predykatywnych. W: Topolińska, Z. (red.), Gramatyka współczesnego języka polskiego. Składnia. Warszawa, 11–212.
- KAROLAK, S. (2001), Od semantyki do gramatyki. Warszawa.
- KAROLAK, S. (2002), Podstawowe struktury składniowe języka polskiego. Warszawa.
- KIKLEWICZ, A. / KORYTKOWSKA, M. (red.) (2010), Podstawowe struktury zdaniowe języków słowiańskich: białoruski, bułgarski, polski. Olsztyn.
- KIKLEWICZ, A. / KORYTKOWSKA, M. (2012), Modelowanie płaszczyzny syntaktycznej a segmentacja hasła słownikowego (na przykładzie języków słowiańskich). W: *Biuletyn PTJ*. LXVIII, 49–68.
- KORYTKOWSKA, M. / KIKLEWICZ, A. (2016), Opis właściwości walencyjnych czasowników na podstawie teorii składni eksplikacyjnej – problemy konfrontatywne i leksykograficzne (na przykładzie języka bułgarskiego, polskiego i rosyjskiego) [w druku].
- MELCHUK, I. (1984), Introduction. In: Толково-комбинаторный словарь современного русского языка. Опыт семантико-синтаксического описания русской лексики. Вена, 39–68.
- PAPIERZ, M. (2013), Podstawowe struktury zdaniowe współczesnego języka słowackiego. Kraków.
- PRZEPIÓRKOWSKI, A. (2015), Towards a linguistically-oriented textual entailment test-suite for Polish based on the semantic syntax approach [w druku].
- SZUMSKA, D. (2013), The Adjective as an Adjunctive Predicative Expression. Frankfurt am Main.
- TOPOLIŃSKA, Z. (1984), Wstęp. W: Topolińska, Z. (red.), Gramatyka współczesnego języka polskiego. Składnia. Warszawa, 5–9.
- ZATORSKA, A. (2013), Polskie i słoweńskie predykaty kauzatywne z parafrą przymiotnikową. Łódź.